

Сингапурский саммит и провал дипломатии Дональда Трампа

Андрей Ланьков

Об авторе

Андрей Ланьков

Кандидат исторических наук, профессор Университета Кунмин
(Сеул)

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если
явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Последние полтора года американо-северокорейские отношения были отмечены яркими и драматическими событиями, которые интересны с самых разных точек зрения – в том числе и потому, что они во многом отражают особенности подхода президента Дональда Трампа и его администрации к вопросам внешней политики.

Успехи северокорейских ракетчиков

В первом приближении всё то, что происходило вокруг северокорейского ядерного вопроса в период с февраля 2017 года и до начала июня 2018 года, может считаться блестящим успехом администрации Трампа. Однако американской дипломатии не удалось развить этот успех и пожать его плоды. Наоборот, усилия администрации США завершились полным провалом – который сам Дональд Трамп, впрочем, совершенно не признает. Сингапурский саммит является серьёзной неудачей для дипломатии США, и эта неудача может привести к негативным последствиям не только для самих Соединённых Штатов, но и для всей системы нераспространения ядерного оружия.

Для того чтобы понять, что же произошло в последние недели, необходимо обратиться к событиям 2017 года, который ознаменовался серьёзными поворотами и в политике США, и в развитии северокорейского ядерного потенциала.

В 2017 году северокорейские инженеры вплотную приблизились к решению той задачи, которая стояла перед ними на протяжении почти

двух десятилетий: им удалось разработать и успешно испытать межконтинентальную баллистическую ракету (МБР), теоретически способную нанести ядерный удар по целям, расположенным на континентальной территории США. Строго говоря, на протяжении 2017 года была испытана не одна, а две модели таких ракет: Хвасон-14 (запускалась два раза) и Хвасон-15 (запускалась один раз). Все три запуска проводились по нестандартной «навесной траектории», то есть при испытаниях МБР запускалась на максимальную высоту и приземлялась в непосредственной близости от стартовой позиции. Делалось это для того, чтобы исключить пролёт МБР над территорией третьих стран и не создавать таким образом дополнительных дипломатических проблем. Тем не менее навесная траектория полёта обеспечивает испытание МБР в условиях, достаточно приближенных к боевым. Успешное проведение всех трёх запусков даёт основание для того, чтобы считать: Северная Корея либо уже стала, либо вскоре станет третьей – после России и Китая – страной мира, способной нанести ракетно-ядерный удар по территории Соединённых Штатов.

В сентябре 2017 года в КНДР было также проведено успешное испытание термоядерного заряда мощностью от 50 до 100 килотонн. Это первое подобное испытание: хотя северокорейские СМИ и заявляли о термоядерном характере ядерных испытаний, произошедших в январе 2016 года, но тогда далеко не все специалисты поверили этому заявлению. На этот раз, однако, никаких сомнений в термоядерном характере взрыва не осталось.

Успехи северокорейских ракетчиков и ядерщиков ознаменовали качественные изменения, которые произошли в северокорейской ядерной программе. В своей изначальной форме эта программа носила в целом оборонительный характер, хотя часто использовалась Пхеньяном и в целях дипломатического давления. Понятно, что даже в самых скромных масштабах такая программа представляла угрозу для режима нераспространения и поэтому вызвала массовое недовольство со стороны «официальных» ядерных держав, включая и Россию. Однако с появлением средств доставки, позволяющих поражать цели на большей части земного шара, северокорейская ядерная программа стала приобретать и потенциально наступательный характер. Это обстоятельство не могло не встревожить даже те страны, у которых не наблюдается особой симпатии к Соединённым Штатам, против которых в первую очередь сейчас направлен северокорейский ядерный потенциал.

Приход Трампа

Так получилось, что успехи северокорейских ракетчиков совпали с серьёзным сдвигом в американской политике. В январе 2017 года в должность президента США вступил Дональд Трамп, весьма необычный лидер, который ещё со времён избирательной кампании сделал «северокорейский вопрос» одним из важнейших пунктов своей внешнеполитической программы. Трамп обвинял своих предшественников в мягкотелости и нерешительности и заверял избирателей, что, став президентом, он, действуя жёстко и решительно, быстро решит северокорейский ядерный вопрос. Поскольку именно на протяжении первого года его президентского срока в северокорейской ядерной программе произошли качественные сдвиги, которые сделали её намного опаснее для США, с первых же дней своего пребывания в Белом доме Дональд Трамп приступил к выполнению своих предвыборных обещаний.

Отчасти обещанная Трампом «жёсткость» носила демонстративно-риторический характер. На протяжении 2017 года мир наблюдал ожесточённую и временами беспрецедентно грубую «перепалку» на высшем уровне между КНДР и Соединёнными Штатами. Строго говоря, пхеньянская дипломатия с давних времён активно пользуется терминологией из лексикона то ли рыночных торгов, то ли мелкой шпаны. (Объясняя этот факт в частной беседе, высокопоставленный северокорейский дипломат как-то сказала, что использование грубых выражений, дескать, является для КНДР «специфической формой вербального сдерживания».) Поэтому мало кто из наблюдателей удивлялся, когда в Пхеньяне именовали Трампа «старым маразматиком» и грозили превращать столицы соседних стран в «море огня» — последняя такая угроза в адрес Сеула (точнее, его центральных районов) прозвучала в ноябре. Однако при Трампе в практически таком же высокопарно-истерическом стиле стали выступать и представители американской администрации. В частности, сам Трамп неоднократно именовал Ким Чен Ына «человеком-ракетой» и заявлял, что ответит на неподобающие с его точки зрения действия КНДР «огнём и гневом, равных которым мир не видел».

Впрочем, особое внимание наблюдателей привлекла не эта небывалая — и отчасти комичная — перепалка, а то обстоятельство, что администрация Трампа постоянно намекала на свою готовность применить силу для решения северокорейского ядерного вопроса. Ситуация при этом не ограничивалась

словесными угрозами: с лета 2017 года происходило постепенное наращивание американского военного присутствия на территории, примыкающей к Корейскому полуострову. Проникавшие во внешний мир из Белого дома слухи также подтверждали, что в окружении Трампа есть люди, готовые начать боевые действия в том случае, если Северная Корея не пойдёт на уступки. Хотя конкретные планы возможных операций по понятным причинам держались в секрете, в целом было ясно, что речь шла о нанесении точечных ударов по военным и промышленным объектам, связанным с разработкой, производством и развёртыванием ядерного и ракетного оружия.

По слухам, впрочем, против военного решения вопроса выступал не только Госдепартамент, в президентство Трампа во многом отстранённый от принятия важных политических решений, но и большинство американского военного руководства, ко мнению которых Трамп прислушивался куда больше, чем ко мнению дипломатов. В Пентагоне отлично понимали, что даже ограниченная военная операция на Корейском полуострове может легко привести к эскалации и стать для США катастрофой.

Исходившие от Белого дома угрозы всерьёз воспринимались именно потому, что у наблюдателей не было уверенности в том, что сам Дональд Трамп боится возможной эскалации конфликта. Важным обстоятельством, которое заставляло американских президентов на протяжении многих десятилетий соблюдать осторожность и не обсуждать всерьёз планы военной операции против Северной Кореи, является расположение южнокорейской столицы. В Сеульской агломерации проживает сейчас около 25 миллионов человек, то есть половина всего населения страны, — и вся эта территория находится в зоне досягаемости северокорейской тяжёлой артиллерии.

Понятно, что американская военная операция с большой долей вероятности приведёт к тому, что северокорейская артиллерия нанесёт ответный удар по Сеулу. Вне зависимости от дальнейшего развития конфликта, огонь северокорейской артиллерии может привести к тысячам и даже десяткам тысяч жертв в Сеуле и его округе — и это даже не говоря об огромном экономическом ущербе. Подобный поворот событий может подорвать американо-южнокорейский союз. Притом что южнокорейское общество относится к США в целом положительно, мало кто в Сеуле поймёт, почему их союзник по своей инициативе предпринял действия, от которых сам пострадал в очень небольшой степени, но которые привели к гибели многих южнокорейских граждан и к материальному ущербу для Южной Кореи.

Особенность Трампа, однако, заключается в том, что за ним издавна закрепились репутация человека, который не слишком заботится об интересах союзников — особенно в тех случаях, когда этими интересами имеет смысл

пожертвовать ради обеспечения безопасности (равно как и экономических выгод) Соединённых Штатов. Справедливо или нет, но Трампа многие считали человеком, который потенциально может отдать приказ о проведении силовой операции против КНДР, полностью проигнорировав при этом те последствия, к которым это решение приведёт.

На настоящий момент нельзя сказать, действительно ли Трамп в 2017 году собирался предпринять силовую операцию против КНДР, или же мы имеем дело всего лишь с хорошо просчитанным блефом — ответ на этот вопрос смогут дать только историки в относительно далёком будущем. Однако поведение большинства заинтересованных стран, включая Китай и Северную Корею, показывает, что в этих странах угрозу, исходящую от Трампа, восприняли всерьёз.

При этом на протяжении всего периода от инаугурации в январе 2017 года и до начала июня 2018 года, то есть до непосредственного кануна саммита, высокопоставленные чиновники администрации подчёркивали, что единственным приемлемым для США решением северокорейского вопроса может быть только «полное, верифицируемое и необратимое разоружение» (complete, verifiable, irreversible disarmament — CVID). При этом постоянно подчёркивалось, что меры по сдаче всего имеющегося у неё ядерного потенциала Северная Корея должна предпринять незамедлительно, желательно отказавшись от всего ядерного арсенала до конца года. Только ближе к саммиту в заявлениях официальных лиц стали звучать иные ноты: по-прежнему настаивая на CVID, американские официальные лица стали всё-таки признавать, что для достижения этой цели может понадобиться некоторое время.

Китайская угроза

По-видимому, беспокойством по поводу военной операции была вызвана и необычная реакция Китая на происходящее. На протяжении многих лет Китай занимал по северокорейскому ядерному вопросу достаточно осторожную и неоднозначную позицию. С одной стороны, Китай, будучи одной из официально признанных ядерных держав, стремился максимально ограничить процесс распространения ядерного оружия и поэтому негативно относился к ядерным амбициям Пхеньяна. С другой стороны, для Китая идеальным является сохранение статус-кво в Северо-Восточной Азии. Именно поэтому китайская дипломатия выступала против введения особо жёстких экономических санкций, которые могут подорвать внутривнутриполитическую стабильность КНДР и таким образом спровоцировать падение режима

или иной внутренний кризис. Ни в кризисе, ни в падении режима семьи Ким Пекин не заинтересован.

Однако столкнувшись с нарастающей вероятностью войны в регионе, Китай решил, что в этих условиях следует сделать уступки США и согласиться на максимально жёсткие действия в отношении КНДР. На протяжении второй половины 2017 года китайская политика на северокорейском направлении сильно ужесточилась. В декабре 2017 года китайские представители в Совете Безопасности ООН проголосовали в поддержку новых, беспрецедентно жёстких санкций в адрес КНДР. По сути, эти санкции, действующие и поныне, близки к полному эмбарго, ибо они запрещают Северной Корее заниматься экспортом тех (немногочисленных) северокорейских товаров, которые пользуются определённым спросом на международном рынке: полезных ископаемых, морепродуктов, текстиля, а также рабочей силы.

При этом важно, что Китай не просто поддержал беспрецедентно жёсткие санкции, но и начал их проводить в жизнь. С лета 2017 года китайские таможенники стали проверять направляющиеся в Северную Корею грузы с небывалой тщательностью, изымая всё, что только могло оказаться объектом санкций. В ходе одного инцидента, например, китайская таможня задержала 80 тысяч наборов для оказания первой помощи – только потому, что в составе такого набора имелись ножницы. Китайских предпринимателей, которые использовали дешёвый труд северокорейских рабочих, власти поставили в известность, что рабочие визы гражданам КНДР продлеваться не будут. Учитывая то, что на Китай приходится 85–90% всего северокорейского внешнеторгового оборота, его позиция по вопросу о санкциях имеет решающее значение. Санкции против КНДР могут работать только постольку, поскольку эти санкции поддерживает Китай.

Фактическое эмбарго на торговлю с КНДР, введённое ООН в декабре 2017 года и поддержанное Китаем, представляло для Пхеньяна не только экономическую, но и политическую опасность. С момента своего прихода к власти Ким Чен Ын стал проводить решительные рыночные реформы, которые в целом очень похожи на то, что делалось Дэн Сяопином в Китае в начале 1980-х годов. Результатом этих реформ стало возобновление экономического роста, главным двигателем которого является быстро растущий частный сектор. При этом несколько ослаб полицейский контроль над населением. У северокорейского руководства есть основания опасаться, что экономический кризис в новых условиях – после нескольких лет быстрого роста уровня жизни – может спровоцировать немалые внутривнутриполитические проблемы.

Пхеньян отступает

Таким образом, в 2017 году руководство Северной Кореи столкнулось с беспрецедентным двойным вызовом. С одной стороны, над ним нависла реальная угроза американского военного удара, а с другой — стало ясно, что рано или поздно новые крайне жёсткие санкции начнут оказывать ощутимое негативное воздействие на северокорейскую экономику.

В этих условиях северокорейское руководство пошло на беспрецедентные уступки. В конце ноября 2017 года сразу после успешного запуска МБР Хвасон-15 Пхеньян заявил, что КНДР «полностью завершила» развитие своих ракетно-ядерных сил сдерживания. Таким образом миру косвенно дали понять, что Северная Корея в одностороннем порядке прекращает ракетные и ядерные испытания. Несколькими месяцами позднее Ким Чен Ын уже в определённой и недвусмысленной форме заявил о введении моратория на ядерные испытания и запуски МБР.

В своей традиционной новогодней речи 1 января 2018 года Ким Чен Ын заявил о готовности налаживать отношения с Южной Кореей и, в частности, сообщил о готовности северокорейских спортсменов принять участие в Олимпийских играх в южнокорейском городе Пхёнчхан. Северокорейскую олимпийскую сборную сопровождала и высокопоставленная правительственная делегация, фактической главой которой являлась Ким Ё Чжон — сестра Ким Чен Ына. За её поездкой в Сеул, в ходе которой она встретила с новым президентом Южной Кореи Мун Чжэ Ином, последовал целый ряд дипломатических контактов между Сеулом и Пхеньяном, которые увенчались проведением 27 апреля 2018 года межкорейского саммита — первого за десятилетие. При посредничестве Мун Чжэ Ина была достигнута и договорённость о проведении встречи Ким Чен Ына с президентом Трампом, которая и состоялась 12 июня 2018 года в Сингапуре.

В процессе подготовки к сингапурскому саммиту северокорейская сторона пошла на целый ряд дополнительных односторонних уступок. Она освободила находившихся в заключении в КНДР американских граждан, задержанных за ведение в КНДР миссионерской деятельности, и провела подрыв туннелей на ядерном полигоне Пунгери. Впрочем,

этот полигон в последнее время сталкивался с серьёзными техническими трудностями и, скорее всего, должен был быть закрыт в ближайшем будущем, так что реальное значение последней уступки не следует переоценивать. Кроме того, северокорейская сторона официально заявила о том, что её долгосрочной целью является отказ от ядерного оружия. Само по себе заявление идёт вразрез с тем, что в последние годы говорила официальная печать: в КНДР всегда подчёркивали, что ядерный статус страны не может быть изменён, и даже включили упоминание об этом статусе в конституцию КНДР.

Разумеется, заявление о готовности к отказу от ядерного оружия, которому придали так много значения в мировой прессе, не следует воспринимать всерьёз. В этой связи, можно напомнить, что на протяжении многих лет вплоть до первых ядерных испытаний, состоявшихся в 2006 году, северокорейские официальные лица всегда пылко отрицали сам факт существования у КНДР военной ядерной программы, объявляя клеветой и враждебными измышлениями любые разговоры о том, что в КНДР ведутся работы над созданием ядерного оружия. Впрочем, в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 года, все ядерные державы, включая США, Россию и Китай, также взяли на себя формальное обязательство со временем отказаться от ядерного оружия. (Понятно, что на практике это обязательство носит чисто риторический характер и на реальную политику этих стран не оказывает ни малейшего влияния.)

В случае с КНДР о сдаче ядерного оружия – том самом «полном, верифицируемом и необратимом ядерном разоружении», которое США уже много лет считают единственным приемлемым решением северокорейской ядерной проблемы, – речь заведомо не шла. Наученные горьким опытом Ирака и особенно Ливии северокорейские руководители давно и твёрдо уверены: отказ от ядерного оружия для них равносителен самоубийству. Однако нежелание отказаться от ядерного оружия полностью не означает, что Пхеньян не был готов при определённых обстоятельствах пойти на сокращение ядерного потенциала. Такое сокращение выглядело вполне вероятным в условиях, когда Пхеньян столкнулся с беспрецедентным нажимом извне.

Главная цель Пхеньяна на протяжении последних шести месяцев была очевидна: там стремились снизить вероятность американской военной операции и добиться частичного снижения санкционного давления. В среднесрочной же перспективе задача Пхеньяна заключалась в том, чтобы выиграть время и переждать период президентства Трампа. Подразумевалось,

что появление в Белом доме более «традиционного» президента будет во многом означать снятие угрозы применения против КНДР военной силы – просто в силу того, что преемник Трампа не будет готов с такой же лёгкостью рисковать Сеулом и американо-южнокорейским союзом. Однако представлялось, что продержаться до конца пребывания Трампа на посту президента США северокорейцы смогут только в том случае, если они пойдут на весомые уступки, таким образом «откупившись» от Вашингтона.

Действительно, до самого последнего момента то, как развивались события, казалось, подтверждало, что Северная Корея загнана в угол и будет готова на многое, чтобы выйти из того опасного положения, в котором оказалась. В мае 2018 года северокорейская сторона выразила неудовольствие, что высокопоставленные американские сотрудники из администрации Трампа (в первую очередь советник президента по национальной безопасности Джон Болтон) настаивали на том, что единственным приемлемым для США условием сделки будет немедленная сдача Пхеньяном всего ядерного потенциала. Американская сторона отреагировала на северокорейские протесты (выраженные в сдержанной – по специфическим северокорейским меркам – форме) весьма своеобразно: президент Трамп заявил об отказе от проведения уже согласованного саммита в Сингапуре. Менее чем через 12 часов после того, как Трамп заявил об отказе от встречи, северокорейская сторона фактически принесла свои извинения, дезавуировав предшествующие заявления своих представителей. После этого подготовка к саммиту возобновилась, а мир окончательно убедился, что проводимая Трампом политика шантажа оказывается исключительно эффективной.

Действительно, политика угроз и давления, которую проводила администрация Трампа с начала 2017 года, к концу весны 2018 года казалась на удивление успешной. В экспертном сообществе в начале июня говорили о возможных контурах соглашения, которое будет достигнуто в Сингапуре (утечек практически не было, так что экспертам оставалось только гадать, опираясь на свой – зачастую немалый – опыт). В частности, предполагалось, что КНДР может согласиться на передачу США или третьим странам части имеющихся в её распоряжении запасов плутония и урана, полную остановку объектов ядерного производственного комплекса, допуск на эти объекты иностранных инспекторов. Некоторые из экспертов даже ожидали, что на саммите будет формально утверждена «дорожная карта» – конкретный план и график действий, которые КНДР обязуется предпринять на пути к полному ядерному разоружению. Тем большим сюрпризом стали результаты саммита.

Конфуз в Сингапуре

Встреча в Сингапуре, состоявшаяся 12 июня 2018 года, продолжалась неполный день и носила характер своеобразного дипломатического спектакля. Ким Чен Ын и северокорейская делегация с прессой общались мало, а вот Дональд Трамп провёл продолжительную пресс-конференцию и вообще описывал всё происходящее вокруг в самых восторженных выражениях. Однако сингапурский саммит, которого так ожидали и на который возлагали такие большие надежды, никаких конкретных результатов не дал.

Главным документом саммита стала так называемая сингапурская декларация, отличающаяся чрезвычайной расплывчатостью. Только один из четырёх пунктов декларации носит относительно конкретный характер – речь в нём, однако, идёт о такой специфической и малозначимой для внешнего мира проблеме, как поиск и возвращение останков американских военнослужащих, погибших на территории КНДР в годы Корейской войны. Остальные три пункта сводятся к расплывчатым заявлениям о готовности сторон «жить дружно». При этом показательно, что требования о немедленном и полном ядерном разоружении – пресловутом CVID, которые до самого начала саммита были основой американской позиции, – в сингапурской декларации вообще отсутствуют. Вместо этого там содержится обещание КНДР «работать над полной денуклеаризацией Корейского полуострова».

Вопреки ожиданиям, ни о каких дополнительных уступках со стороны КНДР на сингапурском саммите объявлено не было. Точнее, в беседе с Трампом один на один Ким Чен Ын сказал, что Северная Корея собирается закрыть один из центров, на котором проводились стендовые испытания двигателей для северокорейских МБР (таких центров в Северной Корее имеется от четырёх до семи, а речь идёт о закрытии только одного из них).

Со своей стороны, Дональд Трамп заявил, что США приостановят совместные с Южной Кореей военные учения. Любопытно, что это решение было, кажется, импровизацией Трампа, так как о нём, как выяснилось в последующие дни, не имели ни малейшего представления ни в Пентагоне, ни в американском контингенте в Южной Корее. По большому счёту, обе эти уступки являются не слишком значительными, хотя и создаётся впечатление, что американский отказ от проведения совместных военных манёвров является более весомой уступкой, чем северокорейское решение демонтировать один из центров для испытаний ракетных двигателей.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что на саммите не было принято и мер по отмене или смягчению существующих санкций. Это означает,

что над северокорейской экономикой продолжает нависать немалая угроза — хотя пхеньянские дипломаты активно и в целом успешно работают над её нейтрализацией. Саммит не привёл к введению никаких дополнительных ограничений на ядерную программу КНДР. Фактически не произошло даже её замораживания: несмотря на провозглашённый Пхеньяном мораторий на проведение дальнейших испытаний, основные северокорейские центры по производству расщепляющихся материалов, ядерных зарядов и компонентов для МБР продолжают работать в штатном режиме.

Связанная с Дональдом Трампом американская консервативная пресса представила сингапурскую встречу как успех президента, который, дескать, «открыл дорогу к ядерному разоружению КНДР». В подобном духе предсказуемо высказался и сам Трамп в своих знаменитых твитах. Однако на практике сингапурский саммит не привёл к сдаче КНДР ядерного оружия. Впрочем, к этому он привести в принципе не мог: полностью свой ядерный потенциал Пхеньян не сдаст ни при каких обстоятельствах. Однако саммит не привёл даже к сколь-либо значимому сокращению этого потенциала.

Перспективы...

Теоретически полагается считать, что сингапурская декларация является выражением доброй воли сторон и что за ней должны последовать конкретные переговоры о ядерном разоружении КНДР. Однако первые же дни после подписания декларации показали, что переговоры начнутся не сразу и будут идти медленно. Главная задача северокорейских дипломатов остаётся неизменной: им нужно выиграть время и дожидаться неизбежного ухода Трампа из Белого дома. При этом в создавшейся ситуации решение этой задачи резко упростилось.

Во-первых, в последние месяцы стало ясно, что свою позицию по северокорейскому вопросу опять пересматривает Китай. В период с марта по июнь 2018 года Ким Чен Ын трижды встретился с Си Цзиньпином — совершенно беспрецедентная частота контактов на высшем уровне. С апреля появились сведения о том, что китайские таможенники стали проявлять куда меньше рвения в досмотре грузов на китайско-северокорейской границе, равно как и о том, что в Китай стали опять прибывать северокорейские рабочие.

Эта перемена в позиции Китая вызвана в первую очередь торговой войной, которую начала против Китая администрация Трампа. В Пекине и раньше не было полной определённости по вопросу о том, как следует относиться к Северной Корее, а сейчас там явно склоняются к тому, что Китаю

не следует проявлять излишнее рвение в решении вопросов, которые касаются главным образом США. Скорее наоборот, Северная Корея становится полезным раздражителем, средством для оказания давления на США, и поэтому Китай, скорее всего, найдёт способы обойти санкционный режим.

Во-вторых, после того как сам Трамп превратил сингапурский саммит в медийный спектакль и заявил о достигнутой им там победе, и ему самому, и руководству его администрации будет просто невыгодно признать, что ни о каком ядерном разоружении КНДР по-прежнему не идёт и речи, и что саммит не дал никаких результатов. В интересах Трампа, скорее, постоянно говорить своим избирателям и сторонникам о «неуклонно идущем процессе» денуклеаризации. Если он вернётся к воинственной риторике и угрозам, с его стороны это будет фактическим признанием того, что сингапурский саммит окончился ничем. В этих условиях возвращение США к политике «максимального давления» не представляется практически осуществимым. Это означает, что безвозвратно упущена уникальная возможность добиться от Пхеньяна радикального сокращения ракетной и ядерной программ.

Тем не менее «фактор Трампа» нельзя совсем списывать со счетов. Его специфическая репутация означает, что северокорейская сторона будет всё-таки соблюдать некоторую минимальную осторожность и воздерживаться от таких поступков, которые сам Трамп может интерпретировать слишком эмоционально, — то есть как прямой удар по его репутации. Поэтому, в частности, есть основания думать, что заявленный КНДР односторонний мораторий на испытания ядерных зарядов и МБР продержится до окончания президентского срока Трампа. И, если повезёт, просуществует ещё несколько месяцев после того, как Дональд Трамп уйдёт из Белого дома. Провоцировать Трампа в Пхеньяне не будут — не по причине симпатий к нему, а потому, что это является делом слишком опасным. Понятно, что все опасения по этому поводу перестанут быть релевантными после ухода Трампа — и тогда мы, скорее всего, увидим возобновление северокорейской ракетно-ядерной программы в полном объёме.

...и уроки

В целом сингапурский саммит можно считать одним из самых впечатляющих провалов американской дипломатии в последние годы. Саммит последовал за весьма успешными, хотя и во многом авантюристичными действиями, которые администрация Трампа предпринимала на протяжении всего 2017 года. Американская дипломатия, используя политику шантажа

и давления, вынудила Пхеньян пойти на уступки и смогла усадить его за стол переговоров без предварительных условий. Однако развить этот успех и «дожать» Северную Корею американские дипломаты не смогли.

Наиболее вероятным объяснением всего произошедшего является то обстоятельство, что, судя по многочисленным утечкам из Вашингтона, реальная дипломатия на северокорейском направлении определяется лично президентом Трампом, который в силу особенностей своего характера не слишком склонен к проработке деталей и тщательной подготовке к переговорам. Трамп приехал в Сингапур, будучи не слишком знакомым с печальным опытом американо-северокорейских переговоров по ядерному вопросу, которые с перерывами идут уже около трёх десятилетий. Возможно и то, что Трамп в первую очередь интересовался даже не реальными уступками, а возможностью «продать» эти уступки американской публике. Обнаружив, что у него нет шансов на достижение такой договорённости с КНДР, которая бы позволила быстро и недвусмысленно решить ядерную проблему, Дональд Трамп предпочёл превратить встречу в Сингапуре в политически малозначимый, но эффектный спектакль, который должен был произвести позитивное впечатление на далёкую от ядерных вопросов и проблем мировой политики аудиторию в самих США.

Всё произошедшее показывает и силу, и слабость того подхода, который в американскую внешнюю политику привнёс Дональд Трамп. С одной стороны, рискованная силовая дипломатия («дипломатия шантажа») в его стиле может работать и даже временами приносить впечатляющие результаты. С другой стороны, пренебрежение к систематической работе и стремление к внешнему эффекту (при этом адресованному исключительно внутренней американской аудитории) означает, что развитие достигнутого поначалу успеха может оказаться трудной и даже неразрешимой задачей. Столкнувшись с упорным сопротивлением противостоящей стороны и обнаружив, что эффективное и понятное его сторонникам решение недостижимо, Трамп отступил, причём в ходе этого отступления он не смог или не захотел добиться от противоположной стороны даже тех уступок, которые были вполне достижимы. Именно ставка на внешний, едва ли не визуально-психологический эффект является самой слабой стороной дипломатии Дональда Трампа.

Впрочем, сингапурский саммит в немалой степени стал успехом северокорейской дипломатии. Сочетание (возможно, показной) готовности к уступкам и жёсткости по важным позициям, равно как и умение играть на противоречиях великих держав, было в полной мере продемонстрировано Ким Чен Ыном и его переговорщиками. Молодой северокорейский лидер показал себя хорошим дипломатом.

 ValdaiClubRu
 ValdaiClubRu
 t.me/valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
valdai@valdaiclub.com